

вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих меня»⁸. Служение другим богам ставилось в вину еще Иисусу Христу, за что первосвященник призывал Пилата распять его.

Всех, кто ненавидит бога избранного народа, автор Второзакония предписывает изгнать. Изгнать семь народов (7, 1): «И поступайте с ними так: жертвенники их разрушите, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканов (богов) их сожгите огнем» (Втор. 7, 5). Владимир, вводя христианство, сокрушил Перуна. В условиях гражданской (по современной терминологии) войны архиепископ Вениамин, императрица и Синод согласованно объясняли безбожие Пугачева тем, что он вступил в союз с иноверцами. Вениамин их перечислил: «душепагубные... иноплеменников шайки татар, говору, чуваш, черемис, вотяков, калмык и башкирцов»⁹.

Правительственный и повстанческий лагеря разделились по принципу, провозглашенному Иисусом (Матф. 12): «Кто не со мною, тот против Меня». Непримируемость к иноверцам противостоит другой его проповеди: «Любите врагов ваших» (Матф. 5, 44).

Сословно-классовая борьба в рабовладельческой Римской империи отразилась в иисусовой проповеди, а в Иудее — во Второзаконии. Гражданская война в абсолютистской Российской империи, жестокость которой описал и Вениамин, нуждалась в освящении. Это освящение по-прежнему сохраняло не только внутрехристианские, но и внутриправославные противоречия, разделяя верующих на никониан и старообрядцев. Союз православных с приверженцами других религий объявлялся безбожным, повстанцев делили по религиозным признакам. Абсолютистское государство оказалось не в состоянии регулировать социально-классовые отношения.

¹ ЦГИА. Ф. 796, оп. 205, д. 72, л. 2 об.

² Там же. Л. 8.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 20. № 14233; Пущин А. С. Соч. в 10 т. М., 1940. Т. 9. Ч. 2.

⁴ См.: Четвероевангелие. М., 1764; Библия, сиречь книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 1766; Четвероевангелие. Киев, 1773.

⁵ Novum testamentum graece. Mosquae, 1834.

⁶ Novum testamentum graece et latine. Stuttgart, 1937.

⁷ Здесь и в других местах цитируется: Новый завет. СПб., 1897.

⁸ Сноски даются по изданию: Библия или книги Священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и указателями церковных чтений. М., 1956.

⁹ ЦГИА. Ф. 796, оп. 205, д. 72, л. 2 об.

М. Г. ЖАРКОВ

СТОИТ ЛИ ИДЕАЛИЗИРОВАТЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННУЮ РОССИЮ?

В последние годы стало модно идеализировать прошлое, особенно дореволюционное. Как тут не вспомнить слова американского политического деятеля прошлого века Х. Грили: «Заблуждение, что прошлое лучше настоящего, по-видимому, было распространено во все эпохи». Многие средства массовой информации сегодня бездоказательно твердят о цветущем состоянии пореформенной России, о благоденствии ее жителей. И что в России, особенно в годы проведения столыпинской аграрной реформы, был такой избыток хлеба (не в пример советским колхозам), что страна «обрушила на Европу горы хлеба, Россия купалась в хлебах!» и конкурировала с Америкой. А так ли это было на самом деле?

Знаток жизни русского пореформенного крестьянства А. Н. Энгельгардт, описывая быт крестьян Смоленской губернии в период с 1872 по 1887 г., отмечал: «В нашей губернии и в урожайные годы у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови; почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что, те посылают детей, стариков, старух в «кусочки», побираться по миру». В деревнях, по свидетельству Энгельгардта, ели в ту пору «пушной хлеб», т. е. хлеб, изготовленный из смеси ржи с мякиной. Широкая крестьянская масса, добавлял он, хлеба не продавала, поскольку у мужика не только нет лишнего хлеба на продажу, но и для себя не хватает¹.

По урожайности основных сельскохозяйственных культур николаевская Россия занимала одно из последних мест в мире. С посевной десятины в начале XX в. Россия получала около 40 пудов разного хлеба, в то время как Германия и Франция — 63, Швеция — 75, Дания — 93, Голландия — 102, Англия — 112, Бельгия — 116. Средний урожай пшеницы у нас составлял 28 пудов, во Франции — 70, в Германии — 77, в Голландии и Бельгии — 111, в Англии — 124, в Дании — 179. Овса в царской России собирали в среднем с десятины 29 пудов, во Франции — 61, в Германии — 71, в Голландии — 117, в Бельгии — 125. На душу населения в России производилось 26 пудов зерна, в то время как в США и Канаде соответственно 48 и 73. Годовой надой от коровы составлял около тысячи литров.

За год до первой мировой войны в Германии был получен урожай сахарной свеклы, исчислявшийся в 54 млн т, а в России — только 34,6 млн т. Даже основного после хлеба продукта — картофеля — Россия произвела в 1913 г. всего по 210 кг на душу населения, в то время как Германия — 814 кг, Австрия — 439, Франция — 320².

Низкая производительность крестьянского труда была следствием отсталой системы земледелия и агротехники вообще. 70 % полей крестьянин засеивал вручную, обрабатывал сохой-ковырялкой или допотопным сабаном, примерно половину убирал серпом и обмолачивал цепами. В разгар столыпинской аграрной реформы в сельском хозяйстве почти не было тракторов, электроплугов и других новинок техники; минеральные удобрения применялись на 2 % посевных площадей. Сельскохозяйственные машины имели лишь товарные помещичьи и крепкие крестьянские хозяйства. Крестьянину нелегко было купить даже косу из-за ее дороговизны. И это не удивительно, ибо во всей огромной стране было только одно предприятие по производству кос, которое удовлетворяло только 15 % спроса³.

На трудоспособность населения негативно влияли также скудное медицинское обслуживание (к примеру, в 1910 г. в западных губерниях на 10 тыс. населения едва приходилось по одному врачу) и его следствие — массовые инфекционные заболевания, недостаток образования и общего развития. На тысячу населения приходилось учащихся всего 36 человек, вчетверо меньше, чем во Франции и в 6 раз меньше, чем в США. Три четверти взрослого населения было неграмотным.

Безземелье, малоземелье, низкая урожайность, примитивная агротехника и т. п. факторы экономического быта крестьянской массы вызывали периодические, 3—4 раза в десятилетие, недороды или полные неурожаи. А неурожаи влекли за собой голод миллионов людей.

О трагедии сельского населения, доведенного голодом до последней степени отчаяния, писал земский врач, а позже депутат II—IV Государственных дум и Учредительного собрания, член ЦК кадетской партии, министр Временного правительства А. И. Шингарев в книге «Вымирающая деревня» (СПб., 1907).

Голод 1898 и 1911—1912 гг. в России описан в книге А. С. Панкратова «Без хлеба» (М., 1913). Пламя голода охватило тогда огромные территории губерний Поволжья. Чтобы не погибнуть, люди собирали лебеду и другие травы. «Хлебом» этих несчастных служила «смесь земли, какого-то пепла, мякины и отрубей». «Иногда, — замечает Панкратов, — из него торчали хвостики отрубей и серый слой простой грязи»⁴.

О голоде 1898 г. и его последствиях писал А. С. Пругавин, секретарь Самарской губернской земской управы в книге «Голодающее крестьянство» (М., 1906). Вывод из его долгих наблюдений и размышлений однозначно мрачный: «деревня давно уже разорена... крестьянство с каждым годом нищает все более и более. Измельчавшие до последней степени земельные наделы давно уже не в состоянии обеспечить мужику даже того минимума количества хлеба, которое необходимо для прокормления его семьи до нового урожая. По этой причине голодовки становятся все чаще и чаще, поражая крестьянство то в одном, то в другом месте»⁵.

Россия была страной массовой нехватки хлеба для народа. Голод в деревнях, голод в рабочих районах. Сатирический журнал тех времен «Вич», выходивший в Томске, опубликовал парафраз известных Некрасовских строк:

Выдь на Волгу! Чей стон раздается,
Как предвестник грядущей беды?
Этот вопль у нас бунтом зовется,
То голодные просят еды»⁶.

Недороды и голод и неизменные их спутники — эпидемии и хронические болезни приносили трудящимся не только физические и нравственные мучения и разорение, но и прямое вымирание. Редкий год не вымирали от голода целые губернии. По смертности Российская империя занимала первое место в Европе. Ежегодно из тысячи человек умирало 35 — на 10 больше, чем в Германии, на 15 больше, чем во Франции, на 16 — чем в Англии и на 20 больше, чем в Норвегии. Недоедание и нищета обрекали множество людей на преждевременную смерть.

Низкий жизненный уровень основной массы крестьянства определял и его быт. Сейчас даже трудно представить, какой бедной и убогой была обстановка крестьянской избы в прошлом. А. И. Шингарев, исследовавший в начале века жизнь крестьян Воронежской губернии, писал в упомянутой книге: «Собственно кроватей в избах почти нигде нет и только у двух домохозяев Животинного (один плотник, другой каменщик) имеются деревянные кровати... Постельными принадлежностями обычно служат дерюжка, верхняя одежда, солома»⁷. Жилищем Тульскому крестьянину служила обычно 8—9 аршинная изба, высотой не более сажени. «Спят в два этажа — на лавках, нарах и печи. Полы почти всегда земляные, так как в холода в избу вносятся телята, ягнята и поросята; иногда вводится даже и корова... Бань почти нет. Моются крестьяне в избах, в печах, размазывая грязь по телу с помощью небольшого количества теплой воды, и почти всегда без мыла... Чесотка и другие кожные болезни распространены в ужасающих размерах»⁸.

Конечно, были в деревнях и богатые крестьяне. Тем жилось неплохо. Однако послушаем опять Энгельгардта: «Если кто-нибудь, незнакомый с мужиком и деревней, вдруг будет перенесен из Петербурга в избу крестьянина... и не то, чтобы в избу средственного крестьянина, а даже в избу «богача», то он будет поражен всей обстановкой и придет в ужас от бедственного положения этого «богача». Темная, с закоптелыми стенами (потому что светится лучиной) изба. Тяжелый воздух, потому что печь закрыта рано и в ней стоит варено, серые щи с салом и крупник, либо картошка. Под нарами у печки теляенок, ягнята, поросенок, от которых идет дух. Дети в грязных рубашонках, босиком, без штанов, смрадная люлька на зыбке, полное отсутствие какого-либо комфорта...»⁹. Известный писатель Глеб Успенский качество жизни зажиточных крестьян рассматривал несколько с иной стороны. Он отмечал, что эти крестьяне живут хорошо, дом у них — полная чаша, всего хватает. Но какой ценой это достигалось? Ценой бесконечной тяжелой работы, не вида белого света. Это был «вековечный труд — труд для одежды, «обужи», чтобы, приобретя то и другое, приобрести в конце концов и кусок хлеба, а при его помощи опять же биться из-за одежды и из-за «обужи», и так жить до конца дней»¹⁰. Дворянин, белогвардеец, эмигрант Дм. Мейснер в воспоминаниях о деревне своего детства рассказывал, что рядом с беднотой в деревнях были другие крестьяне. Они жили в «прочном срубленных, просторных, но плохо убранных, часто грязных, загроможденных многочисленной семьей избах». То были крестьяне хваткие, работающие, но холодные и часто бездушные, знавшие одно — стремление к наживе. «Ради этого часто неустроенно жила семья, через силу работали бабы и молодежь, надрывались в непосильном труде недоедавшие работники»¹¹.

Так было во всех регионах и губерниях Российского государства, в том числе и на белорусской земле. О нищем, бесправном белорусском крестьянине писали М. Богданович, Я. Купала, Я. Колас¹² и другие выдающиеся деятели белорусской культуры.

О бедности и голоде как массовых явлениях сообщалось даже в официальных органах печати. Так, газеты «Минское слово» и «Северо-западный голос» писали, что беднейшие крестьяне едят хлеб из суррогатов, питаются мякиной, гнилой картошкой. Дети многих из них не имели даже одежды, чтобы посещать школу, от холода укрывались кое-каким тряпьем.

Общеизвестно, что важнейшей причиной трех российских революций был аграрно-крестьянский вопрос, его нерешенность.

Последняя серьезная попытка укрепить старый режим была предпринята П. А. Столыпиным — сильным, умным, властным государственным деятелем, крупным реформатором. Своей аграрной реформой он стремился расширить условия для утверждения аграрного капитализма и укрепления социальной опоры самодержавного строя. Благодаря его усилиям были достигнуты заметные успехи: возросли посевные площади, более чем на треть увеличился экспорт зерна; удвоилось количество применяемых минеральных удобрений; увеличи-

лось использование сельскохозяйственных машин. Но в конечном результате планы тогдашнего председателя Совета министров окончились неудачей. По другому не могло и быть, поскольку Столыпин хотел наделить одних крестьян за счет других и прежде всего — сохранить помещичье землевладение. Материальное положение широкой крестьянской массы, как и прежде, оставалось отчаянным, прожиточный минимум крестьянской семьи был самым низким в Европе. А в 1911 г., т. е. в разгар столыпинской реформы, разразился очередной неурожай, охвативший 20 губерний европейской России. Голодало и нуждалось в продовольственной помощи 30 млн человек. Бедствия голода продолжались до конца династии Романовых. По признанию А. Н. Наумова, бывшего в 1915—16 гг. министром земледелия, «Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны»¹³. Экспорт зерновых и другой продукции осуществлялся не от избытка, изобилия сельскохозяйственной продукции, а за счет недоедания, ухудшения положения народных масс. Действовал принцип: «Недоедим, но продадим!», поскольку экспорт зерна был основным источником поступления валюты. Поэтому сила крестьянского движения не ослабла. В 1908 г. произошло 2008, 1909—2420 и в 1910—6261 крестьянское выступление.

Таково было положение в деревне. А в городе?

Жизнь рабочих фабрик и заводов регламентировалась безжалостными законами начального периода капитализма. Отсутствовали охрана труда и социальные гарантии; рабочий день взрослых мужчин составлял 10 часов; заработная плата была гораздо ниже, чем в развитых европейских странах. Многие проживали в квартирах т. н. коечно-каморочного типа, грязных, тесных, сырых. Средняя продолжительность жизни российского рабочего составляла 40 лет.

Несмотря на заметный подъем экономики в предвоенный период, Россия оставалась страной со средним уровнем промышленного развития, технологически отстававшей от стран «первого эшелона». В 1900 г. царская Россия производила на душу населения чугуна в 8 раз меньше Соединенных Штатов Америки, в 6 раз меньше Германии, в 3 раза меньше Франции. Через 13 лет это отставание стало еще более внушительным и безнадежным: до 12,5 раза по сравнению с США и Германией и до 8,3 раза по сравнению с Францией. По объему промышленного производства на душу населения Россия отставала от США в 14 раз, от Англии в 14, от Германии в 13 раз, т. е. отставание императорской России от капиталистической Европы и США было стабильным. Об этом с тревогой говорили и писали представители делового, политического и научного мира царской империи, они считали нереальной задачу ликвидации экономического отставания России от Запада. Приведу только два свидетельства. Первое принадлежит известному текстильному фабриканту А. И. Коновалову, второе — члену Государственного Совета, профессору И. Х. Озерову. Коновалов говорил в Думе 10 мая 1913 г.: «При таком нашем медленном поступательном движении наши мировые конкуренты могут оставаться совершенно спокойными: превосходство над Россией им обеспечено»¹⁴. Вследствие черепашьяго шага, полагал Озеров, мы проиграли войну Японии и потерпели экономическое поражение от Германии. «Нельзя мириться с тем, — писал он в 1909 г., — что население у нас пьет воду горстью, а не ковшом, обувается в лыко, а не в кожу, ездит на неподкованной лошади, и потому обьезжает шоссе. На просвещение правительство тратит в год 19 коп. на человека, а на здравоохранение — 5 коп.»¹⁵. Современный итальянский историк Дж. Боффа тоже считает, что, несмотря на значительный экономический рост, царская Россия была не в состоянии наверстать отставание от главных держав Запада. Больше того: «отставание российской экономики от экономики большинства европейских стран скорее увеличивалось, чем сокращалось. С конца XIX в. Россия перемещается на последнее место среди стран Европейского континента. Она оставалась аграрно-индустриальной страной»¹⁶.

В мировую войну 1914—1918 гг. Россия вступила неподготовленной ни в экономическом, ни в военно-стратегическом отношении. И уже начало войны для русской армии ознаменовалось тяжелым поражением в Восточной Пруссии, где вся армия Самсонова в составе 7 корпусов и 3 кавалерийских дивизий погибла в болотах. Фронт ощущал недостаток в пулеметах, орудиях и даже в винтовках и патронах. У союзников закупались топоры, кирки, конская сбруя, мешки.

Плохое оснащение русской армии, прежде всего огневыми средствами, привело к огромным людским потерям. По признанию одного из командующих армиями, «...с онемевшей артиллерией и пехотой наша армия тонет в собственной крови»¹⁷.

Военные поражения на фронтах мировой войны все больше ставили Россию в зависимое положение от союзников. Страна, если не формально, то фактически утратила положение великой державы. Как писал французский посол М. Палелог, «в мировую войну царская Россия явилась для Франции поставщиком пушечного мяса, чем-то вроде гигантского Сенегала, который должен был доставлять Франции уже не десятки тысяч, а многие миллионы не черных, а белых рабов»¹⁸.

Примечательно, что даже убежденный монархист генерал А. И. Деникин пришел к выводу, что самодержавно-бюрократический режим оказался для России анахронизмом.

Таким образом, утверждения некоторых современных ученых и публицистов о цветущем состоянии экономики пореформенной России и благополучии ее трудового люда — всего-навсего далекая от действительности легенда.

¹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. Спб., 1897. С. 77, 101, 495.

² См.: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 465, 466.

³ См.: Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России. Иерусалим, 1987. С. 12.

⁴ Панкратов А. С. Без хлеба. М., 1913. С. 27.

⁵ Пругавин А. С. Голодающее крестьянство. М., 1906. С. 210.

⁶ Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1978. С. 102.

⁷ Шингарев А. И. Вымирающая деревня. Спб., 1907. С. 49, 50.

⁸ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1908. С. 70.

⁹ Энгельгардт А. Н. Указ. соч. С. 505, 506.

¹⁰ Успенский Г. И. Собр. соч. Т. 10. Кн. 1: Очерки и рассказы. М., 1953. С. 136.

¹¹ Мейснер Д. м. Миражи и действительность. М., 1966, С. 9, 10.

¹² Колас Я. Избранное. М., 1983. С. 24.

¹³ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 289.

¹⁴ Новое время. 1977. № 24. С. 20.

¹⁵ Озеров И. Обратная сторона нашего бюджета. М., 1909. С. 37, 42, 141.

¹⁶ Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1990. Т. 1. С. 17.

¹⁷ Палелог М. Царская Россия во время мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 250.

¹⁸ Там же. С. 229.